

"ПУБЛИЧНАЯ СОЦИОЛОГИЯ" В ПРОШЛОМ И НАСТОЯЩЕМ: УТОЧНЕНИЕ
КООРДИНАТ

Автор: Д. Г. ПОДВОЙСКИЙ

ПОДВОЙСКИЙ Денис Глебович - кандидат философских наук, доцент Российского университета дружбы народов (E-mail: dprodvoiski@yandex.ru).

Аннотация: Статья посвящена дискуссии о "публичной социологии". Реконструкция генеалогии подходов к общественной миссии социологической науки включает решения этого вопроса от позитивизма и марксизма до современных направлений социологии. Проблема рассмотрена как вариация полемики о роли оценочных суждений в практиках обществоведов, соотношении научного и мировоззренческого, объективного и субъективного, инструментального и критического компонентов в структуре социологического знания.

Ключевые слова: публичная социология - роль социологии - Буравой - рефлексивное и инструментальное знание - "свобода от оценки" - социальная ответственность ученого - социологическое воображение - социология США - европейская социология - социология в России

Президентское обращение Майкла Буравого к Американской социологической ассоциации 2004 г. "За публичную социологию" [1] добралось с опозданием до наших краев, разбудив интерес, которым, пожалуй, не награждали российские социологи ни один профессиональный текст последнего десятилетия. Как водится, претендентов на звание пророка от профессии в своем отечестве не нашлось, - голос со стороны показался более весомым. Хотя М. Буравой - не такой и "чужой". Он не раз бывал в России, проводил здесь исследования, участвовал в научных мероприятиях, - причем в формате живого общения в маленькой аудитории.

П. Романов и Е. Ярская-Смирнова опубликовали подборку материалов "Публичная социология: Майкл Буравой и дискуссия" [1]. Реакцию коллег из России на манифест американского профессора можно назвать сочувственной. Однако позиция Буравого многим российским социологам применительно к их стране в ее нынешнем состоянии может казаться пустой затеей, - "все равно ничего не выйдет". С другой стороны, пафос проекта публичной социологии прекрасно ложится на нашу культурную традицию: русская интеллигенция никогда не признавала "этоса" кабинетной учености, знания ради знания, желая нести прометеев огонь правды-истины-правды-справедливости людям. Копий со времен Герцена и Хомякова было поломано немало, количество ветряных мельниц, действующих на нервы интеллектуалам с добрым сердцем, на просторах Родины не уменьшилось. Ветряные мельницы общества - дюрк-геймовские социальные факты, нередко "досадные" своей фактичностью. Они - творение миллионов в настоящем и прошлом, поэтому социолог, как любой индивид, лишь расшибет о них лоб, не сдвинув с места. Означает ли это, что российские обществоведы должны оставить надежды на изменение социальных порядков к "лучшему"? Вопрос не новый, но ответ на него по-прежнему не очевиден. Возникает искушение принять роль невозмутимого наблюдателя. Но невозмутимость социолога едва ли способна достигнуть уровня "нейтральности" естественных наук. Поэтому социолог в большинстве случаев *volens volens* сохраняет равнодушное отношение к собственному объекту, сочетающееся с желанием и готовностью сделать свои знания полезными не только для себя. И на повестку дня опять выдвигается проблема "общественно-публичной" миссии социологии и социологов.

Какова, собственно, квинтэссенция рассуждений М. Буравого? Формулирую ее максимально лаконично. Буравой описывает четыре идеально-типические модели социологии, указывая, что реальная исследовательская работа социологов включает множество смешанных форм, комбинирующих отдельные черты выделяемых типов. Предлагаемая классификация образуется пересечением бинарных оппозиций: 1) инструментальное/рефлексивное знание и 2) ориентация на академическую/внеакадемическую аудиторию. Или, как говорит Буравой, при помощи первого параметра мы отвечаем на вопрос "социология для чего?", при помощи второго - "социология для кого?". Инструментальная установка сфокусирована на устройении конкретного сегмента действительности и логике происходящих событий. При этом суждения о "конечных целях и субъективных смыслах" выносятся за скобки. То есть инструментальное знание задается вопросом "как?", в лучшем случае, "почему?", но не "зачем?". Рефлексивный взгляд, напротив, концентрируется на мировоззренчески значимых, ценностных проблемах, интересуется целями и смыслами, ставит под сомнение сложившийся в жизни и науке порядок вещей. Ориентация на академическую аудиторию ограничивает круг потребителей знания, а противоположная ищет таковых за его пределами.

В результате "перекрещивания" указанных оснований классификации Буравой получает четыре "чистых" типа социологии. Первый - **профессиональная** социология (сочетающая инструментальную и внутриакадемическую ориентации), второй - **прикладная** (инструментальная и внеакадемически ориентированная - *policy sociology*), **критическая** (рефлексивная и внутриакадемическая) и **публичная** (рефлексивная и устремленная во вне академические среды) [1, с. 18 - 22]. Данная типология не только логически прозрачна, но и достаточно эвристична, поскольку выделяемые модели социо-

логического мышления действительно характеризуют доминантные исследовательские стилистики нашей науки.

Профессиональная социология - своего рода ядро дисциплины. Ее задача - получение нового знания. Вопрос, зачем это знание получать, не является для данного типа социологии столь уж принципиальным. Отвечать на него можно по-разному: либо для практических и прагматических целей, либо через ссылку, что законы общественной жизни, как и законы природы, заслуживают того, чтобы их знать. В любом случае целевые аргументации научной работы здесь не должны сказываться на ее качестве и процедурах. Прикладная социология использует капитал профессиональной социологии для решения задач, поставленных "заказчиком". В качестве такового может выступать любой субъект, заинтересованный в той или иной социологической информации и готовый платить за удовлетворение данного интереса. Фактически позиция социолога-прикладника в отношении к профессиональной социологии подобна позиции инженера, применяющего теоретические наработки естествознания и аппарат математики. Инструментализм мысли превращается в инструментализм технологически спроектированного, целерационального действия.

Рефлексивные версии социологии выполняют "подрывную" функцию по отношению к царству "инструментального разума", прямо или косвенно апологетизируемого в практиках профессиональной и прикладной социологии. Они высвечивают относительность устоявшихся социальных форм и эмпирических данностей, "восстают" против тех из них, которые становятся причинами человеческих страданий. Поэтому Буравой называется их "совестью" социальной науки. Критическая социология выступает с "критикой" парадигматических и аксиоматических оснований профессиональной социологии. Но ценность такой критики может быть осознана в полной мере лишь в рамках научного сообщества, или точнее отдельных его сегментов (в условиях специализации и дифференциации интеллектуального труда).

Публичная социология идет дальше: она критикует не только науку об обществе, но и общество с его институтами, нормами, идеологемами и т.п. И адресатом такого рода размышлений становится не человек науки, но *просто* человек, сталкивающийся в повседневной жизни с тысячами проблем, воспринимаемых им обычно на личностном уровне, но имеющих на деле социальное происхождение. Таким образом, публичная социология позиционируется Буравым как своего рода "добрая социология", стремящаяся помочь людям в их стремлении к лучшему миру и избавлению от ощущения несчастья в той мере, в какой оно вызывается общественным характером их существования. При этом роль публичного социолога не подменяет ролей политического или общественного деятеля и даже публициста-интеллектуала. Миссия социолога, вторгающегося в публичную сферу, не в практических действиях как таковых; скорее в адекватной научной экспертизе их многочисленных вариаций, шансов, перспектив и последствий.

Проблема, поставленная Буравым, представляет собой версию "старой песни о главном". Вопрос об общественной роли социальных наук поднимался на протяжении всей их истории. Он часто рассматривался в дискуссии о ценностных основаниях социально-гуманитарного знания, в частности, в полемике о соотношении "нейтрального" и "оценочного" дискурсов в исследованиях общественной жизни. Целесообразность обращения к генеалогии означенной темы оправдана не только с исторической точки зрения. Взгляд на публичную социологию как проект начала XXI в. кажется ограниченным поскольку в биографии нашей науки немало страниц иллюстрируют варианты интерпретации проблем, которые озвучены Буравым.

Гносеологическая рефлексия в социологии на протяжении почти двух веков разворачивалась вокруг "проклятого" вопроса: возможна ли "чистая" социальная наука в смысле "чистого естествознания" у Канта? Позитивизм, которому социология обязана своим существованием и игравший в ее истории "первую скрипку", как будто отвечает на данный вопрос утвердительно. Однако это справедливо в полной мере лишь по отношению к наследникам классического позитивизма, к американской со-

циологии в ее зрелой стадии, - к структурному функционализму образца Парсонса или Мертона, к эмпиризму Лазарсфельда. Даже Э. Дюркгейм, считающийся предшественником указанной линии, с его методологическим объективизмом, призывами "рассматривать социальные факты как вещи" и к последовательному удалению "предпонятий", стремлением освободиться от обременительного груза "слишком человеческого", усматривал в социологическом мышлении силу, направленную на поддержание морального порядка и противостояние дезорганизации, аномии и другим общественным "недугам". А ранний позитивизм преподносит ярчайшие примеры осознанной публичности.

Социология XIX века, - учат мэтры, - рождена из утопии. Речь идет об утопии сциентократизма, элементы которой есть в "Новой Атлантиде" Фрэнсиса Бэкона. Ее социокультурным источником являлась атмосфера нарождающегося модерна, в частности, ренессансный и протестантский активизм [3]. Большинство европейских социальных доктрин боготворило науку, наделяя ее миссией освещать путь человечества к счастью. В позднепросветительской и следующей за ней раннепозитивистской традициях, вдохновлявшихся верой в прогресс, науке приписывались сакраментальные функции не только средства освобождения от отживших институтов и питающих их предрассудков и невежества. Она обретает полномочия духовной власти, конструирующей "картину мира" "органической" эпохи, закладывает ценностный фундамент общества будущего и освящает его идеалы.

Деятельная интенция естественных и социальных наук Нового времени заявляет о себе на разных языках. Knowledge is power - Бэкон. Savoir pour prévoir, penser pour agir - Конт. Die Philosophen haben die Welt nur verschieden interpretiert; es kommt aber darauf an, sie zu verändern - Маркс¹. Конт и Маркс вдохновлялись не чистым познавательным интересом, но стремлением к преобразованию мира на научном основании. Иначе говоря, они были настоящими "публичными" социологами. Концепция материалистического понимания истории, вероятно, не имела бы для Маркса особого смысла, если бы не возвещала грядущий прыжок из царства необходимости в царство свободы. А энциклопедизм "позитивной философии" едва ли мыслился Контом в отрыве от целей "позитивной политики", освященной истинами религии Человечества. Марксизм без коммунизма и позитивизм без культа Великого Существа - интеллектуальные конструкции более позднего времени; они суть продукты избирательной рецепции аутентичных мыслительных систем.

Важной вехой в развитии темы "социология и общество" на рубеже XIX-XX вв. становится спор о роли оценочных суждений, развернувшийся в Германии. Позиции авторитетного и влиятельного "Союза социальной политики", возглавляемого Густавом Шмоллером, была противопоставлена позиция молодого "Немецкого социологического общества". От имени последнего выступал Макс Вебер. Его точка зрения, сто лет спустя не утратив актуальности, высвечивает существенные характеристики обсуждаемой проблемы [4]. Вебер, как и многие другие представители немецкой интеллектуальной традиции, не был ни позитивистом, ни натуралистом. Он прекрасно понимал, что социологу в его исследовательской практике приходится иметь дело с ценностью (например, морально, эстетически, политически) значимыми фактами. Вся его теоретико-методологическая концепция, собственно, и выстраивается с оглядкой на это "немаловажное обстоятельство". Социология не свободна от ценностей, как, впрочем, и ни что другое в человеческом мире (включая естественные науки). Социолог нередко изучает "чуждые" ему ценности - других групп, народов, времен, культур; он имеет также собственные, которые могут прямо или косвенно влиять на проекцию его научного интереса, отбор материала и т.п. Но социология стремится воздерживаться от оценок. Она не формулирует суждений

---

¹ "Знание - сила" (англ.); "Знать, чтобы предвидеть, мыслить, чтобы действовать" (фр); "Философы лишь различным образом объясняли мир, но дело заключается в том, чтобы изменить его" (нем.).

нормативного характера, не апеллирует к идеалам, не говорит о должном и желательном, не резонерствует и не критикует, не осуждает и не восхваляет, не учит никого "правильной" жизни. Вернее, социолог все это может делать, но не как социолог, а как человек, имеющий определенные представления о нравственности, политические убеждения, художественные вкусы, конфессиональную и этническую принадлежность, материальное положение и т.п. Социолог живет как бы "двойной жизнью": в его профессии правит логика науки, вне профессии - логика судьбы. И его долг в том, чтобы не допускать смешения этих "регионов" опыта. Социология, и всякая наука, по сути инструментальна: она не выполняет мировоззренческих функций, не отвечает на вопросы о смысле нашего существования, не расставляет приоритетов в пространстве плюральных ценностных систем, не задает целей общественного развития. Для решения этих задач у нее попросту нет критериев: она не знает, кем лучше быть - буддистским монахом или дервишем, роялистом или анархистом, лавочником или поэтом, любителем пива или вина.

Вопрос о публичной роли социологии в веберовской трактовке если и не снимается, то, по крайней мере, существенным образом модифицируется. Социология не может быть публичной. Публичным может быть социолог, как и любой человек (разумеется, при соответствующем желании, т.е. при наличии особого набора качеств, именуемых обычно "активной жизненной позицией"). Встает ряд новых вопросов: как сочетаются непубличное знание и потенциальные публичные устремления в сознании самого социолога? Может ли это знание помочь социологу в его собственной "общественно-публично-личной" жизни, а также другим людям, которые таким знанием не обладают? Суть веберовского ответа сводится к следующему. У носителя научного знания есть одно преимущество. Он лучше осведомлен. В случае социолога это означает, что он лучше понимает происходящие вокруг него общественные события, видит их действительные взаимосвязи, причины и возможные последствия. Его интеллектуальная оптика более развита в сравнении с обычным человеком. Но не потому, что он является мудрецом, а потому, что является экспертом. Мыслительные навыки профессии социолога позволяют ему анализировать сложные конфигурации социальных фактов, данные людям в конкретных ситуациях их жизни. Таким образом, социология может поделиться с обществом *ясностью видения* тех или иных актуальных социальных проблем. Иногда подобного рода ясность оказывается совершенно необходимой для постановки "верного диагноза" и выработки предпочтительной стратегии практических действий. Но социология не способна сделать за людей экзистенциальный выбор, решить за них, к каким целям им следует стремиться, за какие ценности бороться, в чем заключается счастье и т.п. И там где она делает это (как, например, в случаях Конта и Маркса), она предает свое призвание как "интеллектуально честного" предприятия, выходя за пределы компетенции. Душеспасительные разговоры ведутся в других местах и на другом языке, и "приплетать" к ним науку нет надобности. Публичный социолог в роли моралиста и пророка берет на себя "слишком много", вторгаясь в сферу, не имеющую отношения к социологии. Тем более, когда он делает это, научная и мировоззренческая аргументации вступают в его сознании в противоречивые отношения, образуя порой небезобидную "гремучую смесь" (для которой характерны мыслительная герметичность и авторитарность, доктринальная нетерпимость и высокомерие).

Веберовский подход, предполагающий четкое размежевание научного и мировоззренчески-практического дискурсов, при всей присущей ему последовательности представляется уязвимым в одном важном аспекте, на который обычно обращают внимание сторонники публично-критического направления. Например, Ральф Дарендорф, принимая в целом логику веберовских рассуждений, замечает: "Социология, свободная от оценки... соответствует этике научного исследования. Однако социолог должен быть не просто человеком, занимающимся социологией. Все то, что он делает, говорит и пишет, в известной мере воздействует на общество. Социологи, как правило, не хуже и не лучше общества, где они живут - это верно. Но даже если

социологические исследования способствуют лишь усилению и без того существующих тенденций действительности, социологу не отделаться от последствий собственной работы... Ответственность социолога не заканчивается с выполнением требований его науки. Может быть, она только начинается в момент, когда процесс научного познания в отношении конкретной проблемы завершается... Ответственность обязывает нас к тому, чтобы и в наших сочинениях, и ex cathedra мы откровенно высказывали наши воззрения на ценности" [5, с. 119 - 121]. Так, немецко-британский социолог оказывается как бы "одной ногой" в лагере "старомодного моралиста" Шмоллера. Причем для Дарендорфа вопрос о совместимости научного труда и оценок отнюдь не является "праздным", интересным исключительно с теоретико-методологической точки зрения. Ведь Дарендорфу сегодня, как и Веберу сто лет назад, приходится выступать сразу в двух ролях - социолога, с одной стороны, и "общественно-политического активиста", с другой.

По Дарендорфу, исследователь социальных проблем должен уметь сочетать строгость научных выводов и заключений с вполне осознанной "ангажированностью" и преданностью "гражданским добродетелям". При этом ответственность обществоведа не сводится к одному лишь соблюдению внутрипрофессиональных норм, устанавливающих стандарты качества исследований и т.п. Она заключается также "в постоянной проверке политических и моральных последствий научной работы" [5, с. 120]. Но о каких последствиях, собственно, идет речь?

Инструментальное знание, как естественно-, так и социальнаучное, может быть использовано для достижения любых целей. Исследования в области ядерной физики в равной мере пригодны для развития технологий "мирного атома" и создания оружия массового поражения. И физик не может просто отмахнуться от данного факта: мол, "меня это не касается - я занимаюсь чистой наукой!". С социологом дело обстоит так же, если не "хуже". Ведь основным предметом его интереса являются социальные системы, состоящие из живых людей, способных радоваться и страдать, испытывать чувства. Любая социальная информация (не важно, описательная или концептуальная) может быть использована как на благо, так и во вред.

Представим себе ситуацию. Некий социолог выбрал себе тему исследования. Допустим, изучать отношения власти и доминирования в рамках конкретной социальной системы (страны, группы, организации и т.п.) и питающие их ценностные ориентации и культурные образцы. Он мог избрать данную тему, руководствуясь "чисто когнитивными" соображениями, - независимо от положения в пространстве (внутри или вне этой общности), личной мировоззренческой, политической или этической позиции. В результате своих изысканий он приходит к выводу, что для названной системы характерны авторитарные традиции управления, волюнтаристический стиль руководства, подданныческий и иждивенческий тип культуры, патерналистские и партикуляристские отношения, неразвитость личной инициативы и ответственности, структурная косность и консерватизм, примат "коллективного" над "индивидуальным" и т.п. У него как будто бы имеются все основания сказать: для изученной нами системы наблюдаемое положение вещей можно считать "нормальным", оно вызвано такими-то и такими-то причинами... и т.д. и т.п. А у некоего высокостатусного в рамках данной системы лица, представителя "элиты" появляется прекрасная возможность, воспользовавшись авторитетным мнением эксперта, произнести вслед: так и должно быть, в этом наша "самобытность", наш "особый путь". Разумеется, такие слова вне зависимости от того, говорят ли они искренне или нет, будут направлены на поддержание status quo, воспроизводство сложившихся отношений власти, стратификации, распределения ресурсов. Но ведь сформулированный "диагноз" для кого-то в масштабах этой системы, например, для какого-нибудь меньшинства, может звучать как "приговор". И не только для меньшинства. Поскольку большинство, успешно интернализовавшее ценности системы и свято верящее в ее незыблемость, но сталкивающееся ежедневно наравне с другими с множеством "неприятностей" социального происхождения, оказывается лишенным шанса на луч-

шую жизнь, т.к. попросту не догадывается о самой ее возможности, как и не осознает перспектив потенциально благоприятных социальных изменений. Понятно, что социолог в описанном примере оказывается, мягко говоря, в сложном положении. Ведь он фактически, вопреки изначальным намерениям и желаниям, несет долю ответственности за судьбы людей, вписанных в изучаемые им социальные контексты. И ему, по всей вероятности, - если он, конечно, хочет оставаться честным перед самим собой, - не удастся выйти "сухим из воды". Иначе говоря, ему придется решать, на чьей он находится стороне.

И такие примеры отнюдь не являются "фантастическими" или надуманными. Они встречаются *mutatis mutandis* в практике социологической работы (как теоретической, так и эмпирической) на каждом шагу. Допустим, социолог описывает стиль поведения и образ мыслей представителей некоей "субкультурной" группы, и констатирует, что их следует считать девиантными по отношению доминантным ценностям ее внешнего окружения. А отсюда вытекает признание закономерности санкций, социального контроля, проявлений ксенофобии, конструирования социального исключения и дистанции, стигматизации и т.п. Но эти объективные характеристики жизни группы для ее членов - не просто "умные слова", которыми все можно объяснить. Они постоянно проявляются в реальных проблемах реальных людей, причиняя им страдания и боль. Вправе ли социолог сохранять в данной ситуации индифферентность и невозмутимость, диктуемые логикой исследовательского рассудка? Артикуляция его личной нравственной позиции по данному поводу представляется естественной и уместной. Хотя, с другой стороны, социолог, всецело поглощенный "высокой страстью" служения людям, погружающийся с головой в пучину насущных общественных дел, перестает быть социологом. Он становится "борцом" - одним из многих. Тогда возникает реальная опасность утраты адекватного научного видения проблемы, в результате чего социолог теряет свое основное качество, т.е. именно то, чем он может быть более всего полезен, - способность поделиться с людьми *знанием*. Как верно замечает Буравой [1, с. 28], фигура публичного социолога не тождественна фигуре публичного интеллектуала. Социолог в общественной миссии выступает прежде всего как квалифицированный "эксперт-комментатор", помогающий индивидам и группам разобраться в хитросплетениях волнующих их проблем, и, возможно, в выработке конструктивных преобразовательных и приспособительных стратегий, направленных на улучшение их существования.

При реконструкции идейной генеалогии новейшей дискуссии о публично-критических функциях социальных наук нельзя обойти стороной наследие теоретиков Франкфуртской школы. На передний план здесь выходит старое, "традиционно немецкое" философское понятие *die Kritik*, приобретающее почти всеобъемлющее значение. Оно определяет задачи *критической* теории общества, включая в себя два важнейших аспекта: 1) критику социологического разума, а также научного разума вообще как разновидностей новоевропейской идеи рациональности, восходящей еще к Декарту, и 2) критику конкретной системы общественных отношений, исторически сложившейся на Западе. Обозначенные аспекты в представлении франкфуртцев оказываются тесно связанными. М. Хоркхаймер, Г. Маркузе, Т. Адорно и их последователи стремятся вывести инструментальный разум "на чистую воду". По их мнению, он только кажется "нейтральным". На самом же деле он несет свою долю ответственности за несправедливость, царящую в мире, которую предпочитает не замечать или даже оправдывать. Инструментальная рациональность создает механизм господства над вещами и людьми, уподобляемыми ею вещам.

Черты критической теории определялись ее создателями в противоположность "традиционной теории", ассоциирующейся с классическим типом научности и представленной как в версии социологического позитивизма, так и антипозитивизма. Традиционная теория разрушает тотальность "праксиса" (созидательной миропреобразующей человеческой деятельности), противопоставляет субъект и объект познания, выступает с апологией фактов как наличного бытия. Она формирует модель

"ценностно нейтральной" науки, разделяющей сферы "сущего" и "должного", отказывающейся от конструирования социальных идеалов. Критическая теория, напротив, рассматривает общественный универсум как "целое" и при этом высвечивает несовершенство социальных порядков, их негуманный характер. Человек предстает в ее фокусе не только как объект, но и как (потенциально активный) субъект общественных отношений. Социальная жизнь изобилует противоречиями и конфликтами, а ее формы являются принципиально изменчивыми. Критическая теория, констатируя иллюзорность идеи "автономной", "незаинтересованной" социальной науки, ставит перед собой цель способствовать общественной эмансипации человека, его творческой самореализации, преодолению отчуждения.

Обозначенный подход явился одним из источников формирования "критической ориентации" в западной социологии второй половины XX века [6], хотя уровень радикализма в случаях многих продолжателей идей социологического критицизма мог существенно понижаться. В 1960-е годы противостояние сциентистски-инструментальной и рефлексивно-критической интенций воплотилось в "споре о позитивизме", спровоцированном тюрбингенской полемикой К. Поппера и Т. Адорно [7; 8]. В последующее десятилетие оно проявилось в дискуссии о технологической и коммуникативной рациональностях между Луманом и Хабермасом [9].

В Соединенных Штатах главными объектами нападков для критического направления социологической науки стал парсонсовский структурный функционализм ("высокая теория") и методология прикладных количественных исследований ("абстрактный эмпиризм"). Основное обвинение в их адрес заключалось в следующем: нарочито инструментальные теории и исследовательские практики суть формы "стабилизационного" мышления, они утверждают "статическую" перспективу социологического анализа. Они исходят из предпосылки, что порядок и консенсус - это норма, а конфликты и социальные изменения - патология. Но подобное утверждение неочевидно даже для многих функционалистов. Как показали Р. Мертон [10, с. 127 - 134] и Л. Козер [11], сама функционалистская программа как особого рода методология равно пригодна для изучения любых социальных феноменов: "созидательных" и "разрушительных", способствующих адаптации и интеграции систем, и наоборот. Сам по себе функционализм не консервативен и не радикален, но может становиться таковым под влиянием "установок" ученого (явных или скрытых, осознаваемых или не вполне). Все дело в "точке отсчета" и направленности исследовательского интереса. И здесь свою роль играют мировоззрение, убеждения и ценности социолога. Парсонс не устал повторять, что проблема порядка (так называемая "гоббсова проблема") была положена в основание его теории прежде всего из аналитически-когнитивных соображений. Общество, в котором люди играют по правилам, разделяют общие ценности, поддерживающее высокий уровень интеграции, и вместе с тем постепенно движущееся в направлении все большей дифференциации, - это удобная теоретическая модель, своего рода "идеальный тип". Но такие доводы не могли убедить его оппонентов. Уж очень эта модель напоминала социологический портрет США, причем написанный в апологетической манере. Она соответствовала либерально-консервативным и эволюционистским идеологическим симпатиям и ценностным предпочтениям "среднего класса" - социального и культурного ядра американского общества. К тому же, рассуждая о последствиях, можно было прийти к заключению - что бы ни говорил мэтр, как бы он ни оправдывал целесообразность вынесения за скобки концепции "неудобных" фактов, она сама, будучи авторитетной формой представления экспертного знания, играет на руку высококоресурсным, "успешным" группам, заинтересованным в сохранении status quo [12].

Несмотря на то, что американская социология на этапе становления находилась под сильным влиянием критического мелиоризма и социального реформизма протестантского толка [13], зрелая ее стадия вплоть до настоящего времени характеризовалась и характеризуется доминированием специфически инструментального понимания задач общественнонаучного знания. Такое понимание задает "нормативный

образец" исследовательской работы, по отношению к которому публичная социология выступает в качестве отклоняющейся модели, неизбежно оттесняемой на периферию научной жизни. Показательно звучит известное нашим коллегам замечание М. Вевёрки [14]: типичный американский социолог работает в университете, публикуется в профессиональных журналах, вероятно, дает "закрытые" консультации. Но он обычно (в отличие от, скажем, типичного французского социолога) не выступает перед широкой общественной аудиторией (на радио, телевидении, в прессе), не высказывает своего мнения об актуальных проблемах в жизни страны, региона, мира. В этом смысле фигуры Ч. Райта Миллса и А. Гоулднера на фоне американской социологии выглядят как исключения из правила. И потому-то "вопиющий глас" американца Буравого, адресованный прежде всего профессиональной среде его собственной страны, приобретает особое звучание и значимость.

Старая просветительская идея об освобождающей функции знания преломляется специфическим образом в проектах типа миллсовской концепции "социологического воображения" [15] или туреновской методики "социологической интервенции" [16, с. 115 - 127]. Миллионы людей на планете страдают, но не осознают действительных причин переживаемых ими страданий. Всякий человек, перефразируя классика, считает себя "несчастливым по-своему". Он склонен воспринимать проблемы собственного существования в окружении других людей на индивидуально-личностном уровне. И за "экспертной поддержкой", если таковая потребуется, он, скорее, обратится к психологу (варианты - священник, экстрасенс, гадалка). О том, что ему может помочь социолог, он едва ли догадывается. Но многие человеческие проблемы являются психологическими лишь по последствиям. Их подлинным источником нередко оказывается общество - его состояния, структурные противоречия, тенденции развития. И эти проблемы часто касаются не людей, как отдельно взятых индивидов, но людей как представителей определенных групп. Пути их решения предполагают не только выработку моделей личностной адаптации к тому или иному сегменту социальной среды, но и порой выстраивание адекватных ситуации стратегий коллективного действия.

Указанную экспертную нишу может заполнить только социология. Ее основной публично значимой задачей становится наглядная демонстрация взаимообусловленности элементов общественной жизни, и в частности, выявление связей, вплетающих индивидуальные биографии людей в сложную ткань социальных процессов - будь то на уровне малой группы, локального сообщества, организации, страны или человечества в целом. Некоторые авторы (П. Романов и Е. Ярская-Смирнова [1, с. 89 - 95]) приписывают публичному социологу еще более ответственную роль, а именно - артикуляцию интересов и притязаний групп, не способных по тем или иным причинам сделать это без посторонней помощи. Речь здесь идет прежде всего о социально ущемленных слоях. В современных условиях содействие устремлениям крупного бизнеса - небольшая с гуманистической точки зрения заслуга. Эти люди могут постоять за себя сами. Но есть другие, и их много - те, кого в России принято называть "униженными и оскорбленными", у кого есть реальный шанс быть потерянным, забытым, чей социальный голос не слышен и даже не сформирован, кто нуждается в осознании собственного положения и возможных перспектив его улучшения. И им нужно помочь "найти выход", понять "что происходит" с ними и вокруг них. Кто это сделает, если не социолог?

Сегодня среди стран со старой и признанной социологической традицией лидирует по части развитости публичного компонента науки Франция. Как поэт в России - больше, чем поэт, социолог на родине Сен-Симона и Конта - больше, чем социолог. Здесь социолог - лицо публичное *par excellence*, человек, говорящий не при закрытых дверях, но вещающий *urbī et orbī*. Он - завсегдагатай агоры, скорее не боец на форуме идей, но уважаемый рефери, компетентный судья, к мнению которого прислушивается большинство участников дискуссии. За ним признают право на авторитетное суждение, видя в нем прежде всего носителя экспертного знания. Он - не просто

интеллектуал, выражающий свою точку зрения, каковыми являются, например, писатель, публицист, журналист, деятель искусства, даже философ. Будучи профессионалом в области общественных отношений, он сохраняет свободу от любого рода "партийной предвзятости", но, разумеется, не от собственных глубинных ценностных установок. Голос кабинетного ученого передается другим голосам - в университетской аудитории, кафе или на площади. Иногда мысли и слова не уходят в песок, но оборачиваются делом. Подобно Пьеру Бурдье, французский социолог-интеллектуал превращает свою собственную программу *vita contemplativa*² в общественно значимый факт действия - в *vita activa* [17].

Судьба публичной социологии в России, ее шансы и перспективы в начале XXI века - тема отдельного разговора. Чтобы такой разговор состоялся, вероятно, требуется предварительное понимание того, что, собственно, из себя представляет публичная социология, и каково ее место в структуре нашей науки и в ее истории. Убеждать российских социологов в том, что публичная социология имеет право на существование, не требуется. Отечественная социология не переставала быть публичной ни в один из периодов своей тяжелой интеллектуальной биографии. Ярчайшим и притом самобытным примером в данном отношении является фактическое доминирование в российской социологии дореволюционной эпохи мыслительных интенций "этико-субъективной школы" Лаврова-Михайловского-Кареева-Южакова. Это направление как нельзя лучше концептуализировало типический образ мироощущения русской интеллигенции. А ее последующие поколения вплоть до настоящего времени в ряде существенных черт наследуют эту традицию.

Но возможности развертывания диалога между социологией и обществом в нашей стране ограничиваются рядом неблагоприятных обстоятельств. М. Буравой полагает, что социология должна выступать от имени общества, озвучивать его интересы. Другие социальные науки служат другим "субъектам": экономика - рынку, политология - государству. Здесь слово "общество" употреблено в узком смысле, пересекаясь отчасти с понятиями "гражданского общества", "общественности", "публики". Государство и рынок сегодня почти всеильны: в их руках СМИ - мощнейший канал воздействия на человеческое сознание. Общество, напротив, слабо, внутренне разобщено, колонизировано потоками масс-медийной манипуляции. Такая ситуация характерна для мира в целом, и для России - в особенности. Некоторые видные ученые, основываясь не только на теоретических соображениях, но и на эмпирических данных, многозначительно констатируют: в России "общества" (в западном его понимании) не существует [18]. Есть "население", "массы", атомизированные индивиды, приватно-интимная сфера, но не "общество". Тогда спрашивается, к кому должен обращаться публичный социолог? ... Но вдогонку можно послать: если не обращаться вообще, то общества так никогда и не возникнет!

С другой стороны, слабо не только "общество", но и социология [19]. Можно подать голос, но шанс быть услышанным невелик. В силу ряда причин от российской социологии сегодня почти никто ничего не ждет. Выраженного общественного запроса и заказа на социологию в постсоветской России до сих пор не сформировалось. Функцию "публичных интеллектуалов" берут на себя писатели, люди искусства, представители других научных дисциплин. Социологи молчат или говорят сами с собой. Опасность превращения в музейный экспонат, возмещаемая У. Беком [1, с. 113 - 122], по крайней мере, для российской социологии³ приобретает реальные очертания. Поэтому забота о нуждах профессионального самосохранения в сочетании со стремлением к популяризации незаслуженно игнорируемого ныне социологического знания становится неотложным делом нашего научного цеха. В этом плане

---

² Жизнь созерцательная (*лат.*).

³ Применительно к российской социологии метафора Бека нуждается в усилении: следовало бы говорить об "экспонате музея, в котором почти нет посетителей".

я поддерживаю начинание журнала "Социологические исследования" (N 4, т.г.) по обсуждению проблем "публичной" социологии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Общественная роль социологии / Под ред. П. Романова, Е. Ярской-Смирновой. М.: ООО "Вариант", ЦСПГИ, 2008.
2. *Шилова В. А.* Конференция профессиональных социологов // Социол. исслед. 2008. N 11.
3. *Подвойский Д. Г.* О предпосылках и истоках рождения социологической науки // Социол. исслед. 2005. N 7.
4. *Вебер М.* Смысл "свободы от оценки" в социологической и экономической науке; Наука как призвание и профессия // *Вебер М.* Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990.
5. *Дарендорф Р.* Социальная наука и оценочные суждения. Послесловие к дискуссии об оценках // *Дарендорф Р.* Тропы из утопии. Работы по теории и истории социологии. М.: Праксис, 2002.
6. *Фуре В. Н.* Контуры современной критической теории. Мн.: Изд-во ЕГУ, 2002.
7. *Поппер К.* Логика социальных наук; Разум или революция? // Эволюционная эпистемология и логика социальных наук: Карл Поппер и его критики. М.: Эдиториал УРСС, 2000.
8. *Adorno Th. W. u. a.* Der Positivismusstreit in der deutschen Soziologie. Miinchen. 1993.
9. *Habermas J., Luhmann N.* Theorie der Gesellschaft oder Sozialtechnologie - was leistet die Systemforschung? Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 1971.
10. *Мертон Р.* Социальная теория и социальная структура. М.: Аст, Аст-Москва, Хранитель, 2006.
11. *Козер Л.* Функции социального конфликта. М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 2000.
12. *Гоулднер А. У.* Наступающий кризис западной социологии. СПб.: Наука, 2003.
13. *Гуревич Е. Б.* Влияние протестантизма на раннюю американскую социологию // Социол. журнал. 1998. N 1/2.
14. *Вивьерка М.* Выступление на открытии III Всероссийского социологического конгресса. 21 октября 2008 // <http://www.polit.ru/science/2008/10/22/wieviorka.html>
15. *Миллс Ч. Р.* Социологическое воображение / Пер. с англ. О. А. Оберемко. М.: Издат. дом "Стратегия", 1998.
16. *Турен А.* Возвращение человека действующего. Очерк социологии. М: Научный мир, 1998.
17. *Бауман З.* Пьер Бурдьё, или диалектика *vita contemplativa* и *vita activa* // Социол. журнал. 2002. N 3.
18. "Наша нынешняя социология - это компьютер на телеге": Интервью с Львом Гудковым // <http://www.polit.ru/analytics/2008/11/13/gudkov.html>
19. *Подвойский Д. Г.* Социология в современной России. "Непричесанные мысли" // Социол. исслед. 2008. N 7.